«ДОЛГ, ЗАВЕЩАННЫЙ ОТ БОГА...»
(на 100-летие кончины Ивана Егоровича Забелина)

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за темные деянья,
Спасителя смиренно умоляют.

А.С. Пушкин «Борис Годунов»

Эти слова из монолога Пимена невольно всплывают в памяти, когда вглядываешься в известный портрет Ивана Егоровича Забелина (1820–1908), написанный в 1892 г. Валентином Александровичем Серовым. А уж он-то умел показать, «коего духа человек изображен». И перед нами – мудрый седовласый с окладистой бородой старец. Взгляд отведен чуть в сторону. Перед его взором, кажется, проходят «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Изучение истории Отечества стало заветным делом жизни этого коренного русского человека. Дух его, красивый и сильный, здоровый и крепкий, благородный и честный излился на страницах сочинений ученого.

Уроженец срединной, Великой Руси, сын коллежского регистратора и внук сельского священника, Забелин явился на свет сентября 17 дня 1820 г., а крещен был 19-го в Никольской церкви, что на Зверинце, на окраине родной Твери, в Затьмачье. «А уж куды, – по выражению великого русского писателя, – бывает метко всё то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а всё сам-самородок, живой и бойкий русский ум...»[1]. И этот «бойкий русский ум» рано обозначился в отроке Иване, когда безудержная жажда знаний захватила его в Преображенском сиротском училище в Москве. Он много читал, а интерес к прошлому русского народа появился почти сразу. Много лет спустя, в своих записных книжках ученый, будто бессознательно поясняя свое радение на русской ниве, отметит:

«Что такое патриотизм? Патриотизм есть чувство. Какое? Чувство семейного очага, чувство родной страны, чувствование в себе родной страны как своего дома, своей семьи. Чувство племенного народного эгоизма, себялюбия и самолюбия, именно народного, племенного.

Чувство своей жизни, своей истории, своей географии или местности, дома. Вы любите свой дом, свою деревню, свой город, уезд и т.д., распространяя эту любовь на всю родную страну. Если родная страна столько же вам дорога, как свой дом, своя семья, если вы чувствуете все её выгоды и невыгоды и сердечно об них заботитесь – вот вы и патриот.

Вера в народ, в его достоинства, в его дарование, в его силы политические, экономические, литературные, художественные, ученые и т.д., такая вера служит основою патриотического чувства»[2].

В 1837 г. по выходе из училища Забелин был зачислен канцелярским служителем второго разряда в Оружейную палату Московского Кремля. В эти годы в музее* уже полным ходом шла работа по систематизации и каталогизации его коллекции. Забелин был привлечен к разбору архивов, документы которых касались жизни царского двора. Эти бумаги никак не фигурировали в Истории Н.М. Карамзина. Почти полвека спустя Забелин вспоминал, как его поразил данный факт. Одним словом, он оказался будто у берегов неизведанного моря-океана истории, и ему промыслительно был *указан путь* к большой науке.

Можно лишь представить ощущение вдохновенного внутреннего восторга, которое переживал начинающий исследователь. Погружаясь с годами все глубже в бездны прошлого, он хорошо понимал, что Господь подарил ему тот самый талант, который

---

[1] *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1949. Т. 5. С. 108.

[2] *Забелин И.Е.* Дневники: Записные книжки. М., 2001. С. 179.

* Оружейная палата в начале XIX в. стала музеем; постепенно стали разбираться ее коллекции и архивы, с 1830 г. велась подготовка фундаментального издания «Древности Российского государства», для которого академик Ф.Г. Солнцев срисовывал в Кремле царские регалии, различные предметы прикладного искусства.

предстояло приумножить. И приумножил! Началась бурная и многотрудная работа по изучению русской истории, раскрытие доселе неизведанных ее сторон. Забелин изучал вязь и малопонятную терминологию писцов и подьячих, разбирал зачастую перепутанные бумаги и фрагменты документов. Видимо, им владел такой самозабвенный интерес, что архивным изысканиям он посвящал все свое служебное и свободное время. Бескорыстно трудился он, доставая нужные исторические сведения для профессора Московского университета И.М. Снегирева, для академика Павла Михайловича Строева, археографа и разыскателя древнерусских рукописей. Передавая в своем дневнике слова Снегирева однажды, сказанные Строеву, Забелин писал: «Рекомендую вам, – сказал Снегирев, – молодого любителя древностей, прошу не оставлять его советами, вспомоществованием. Потом рассказывал, где я воспитывался, как образован и прибавил: у нас мало таких людей, которые из собственного рвения, из любви к науке занимались»[3].

Важное значение в научной судьбе Забелина имело знакомство с В.В. Пассеком. Именно он, став редактором прибавлений «Московских ведомостей» подготовил к опубликованию и напечатал статью Ивана Егоровича «Несколько слов о богомольных царских походах» (25 апреля 1842 г.). Для самого молодого архивиста то был факт многозначительный. Впервые голос его зазвучал широко, громко. Это и есть точка отсчета ученых трудов великого историка Руси – год 1842. Забелин прожил жизнь долгую и многоплодную. Многие прошли перед его земным взором: государи Николай Павлович, Александр Второй и Третий, Николай Александрович, Вел. Кн. Сергей Александрович – любимец Москвы, гр. Уваров, Гоголь, Погодин, Верещагин и Васнецов, Ф. Солнцев, Островский... Несть им числа великим русским людям.

Будучи фактически самоучкой, имея за плечами всего пять классов училища, И.Е. Забелин стал автором 250 книг, множества статей и публикаций исторических документов. Первые капитальные сочинения Забелина – это «Домашний быт русских царей в XVI–XVII вв.» (1862) и «Домашний быт русских цариц в XVI–XVII вв.» (1869; 2-е изд. – 1872). Им предшествовал ряд статей по отдельным вопросам того же рода, печатавшихся в «Московских ведомостях» 1846 г. и в «Отечественных записках» 1851–1858 гг. Труды эти – целая симфония Руси. Оценивать их не беремся. Они выше всякого слова мирского. Читайте Забелина, внимайте слову историка-родолюба, внимайте слову Истины!

Звание доктора русской истории пожаловал ученому Императорский Киевский университет, а в почетные члены приняла Императорская Петербургская Академия наук. По смерти С.М. Соловьева (1879) Забелин возглавил Общество истории и древностей российских (в 1893 г. его на этом посту сменил В.О. Ключеский). А 12 марта 1884 г. в связи с юбилеем ОИДР Императорского Московского Университета Забелин был удостоен звания почетного доктора истории Московского университета, затем 28 января 1885 г. – Санкт-Петербургского университета. С 1885 г. он стал товарищем председателя Исторического музея. С 1887 г. и до конца дней единственным местом его службы стал Императорский Исторический музей[2*].

17 декабря 1880 г. И.Е. официально попросили возглавить группу историков, которые должны были написать большую книгу об истории Москвы. Это был проект Городской Думы. К подготовке заказанной книги Забелин приступил в июле 1881 г. Он начал с составления программы. Она была объявлена в «Московских ведомостях». Здесь были обозначены два направления будущего исследования: во-первых, история улиц и зданий, во-вторых, повествование о прошлой жизни москвичей, ибо «город – это совокупность людского общежития».

«Определив, на чем будет сосредоточено внимание в задуманной книге, автор перечислил частные темы, заслуживающие специального рассмотрения. Чего только здесь нет! Тут не только история городского управления, отдельных слобод, монастырей, церковных приходов, но и сведения о кладбищах, приходских и монастырских. Праздниках, нищих, юродивых, больницах, аптеках, торговле, бирже, садах и огородах, о продаже певчих птиц, о петушиных и гусиных боях, о ремеслах и художествах, училищах и книжной торговле, о библиотеках и театре, о клубах и гуляниях, о масонах и старооб-

[3] См.: *Забелин И.Е.* Дневники: Записные книжки. С. 25.

[2*] Это особая обширная тема, которая требует подробного исследования, хотя многое и сказано в книге А.А. Формозова о Забелине (см. сноску 4).

рядцах, о воровстве, пожарах и метеорологических явлениях»[4]. В 1884 г. явилась на свет массивная книга «Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы», объемом в 93 п.л. Второй том, объемом в 103 п. л. вышел в 1891 г.

Одно время Забелин думал выпустить альбом старинных планов Москвы, он собрал 4,5 тыс. планов города. Сопоставление планов давало возможность создать подробное представление о том, как менялся тот или иной район, как расширялась Москва. Остался среди черновиков Забелина и набросок «Истории московских пожаров».

Непосредственно истории Москвы касалось несколько статей ученого, среди которых наиболее важная, по мнению исследователей «Взгляд на развитие московского единодержавия». Она была помещена в трех номерах «Исторического вестника» за 1881 г. Мысль историка проста: московские Князья думали об общем благе, старались «жить за один всем в единстве», и народ это понимал и поддерживал их. *Народ-то и был носителем великодержавной идеи!*

В 1898 г. в многотомном издании «Живописная Россия» под ред. Семенова-Тян-Шанского в 6 томе «Москва и Московская промышленная область» Забелину принадлежит девять очерков из двенадцати. В 1902 г. одновременно были опубликованы большая статья о Москве в словаре Брокгауза и Ефрона и фундаментальный труд «История города Москвы». И.М. Тарабрин писал в 1929 г.: «Весьма вероятно, никем другим не сделано так много для уяснения истории Москвы, как незабвенным ее историком Иваном Егоровичем Забелиным, а между тем вряд ли кого-либо иного труды в этой области так мало были выявлены во всей совокупности в научной литературе»[5]. К сожалению, и сегодня положение дел не на много лучше. Во всяком случае, к примеру, на историческом факультете Московского университета даже не приступали к подготовке крупной Забелинской конференции. А ведь повод был – 13 января 2009 г. исполнилось 100-летие кончины ученого.

Но, видно, забыли сегодняшние историки, хотя, разумеется, не все[3*] что, «такие звезды светят народу раз в столетие»[6], – как писал в свое время друг Забелина, филолог Щепкин. Замечательным явилось издание научным коллективом Исторического музея материалов из наследия И.Е. Забелина: «История города Москвы: Неизданные труды» (М., 2003). В нем помещены любопытнейшие сочинения ученого: «Наста быти княжение московское» (о событиях жизни Москвы 1272–1389), «Посад», «Дом Московского публичного и Румянцевского музеев», «Опричный дворец царя Ивана Васильевича». Выпуск снабжен весьма привлекательным научным аппаратом – ведь трудились наследники Забелина!

Говоря о московских трудах И.Е. Забелина, невозможно специально не сказать о Дневниках и Записных книжках, вышедших в 2001 г. в издательстве имени Сабашниковых. Читать эту книгу – сплошное упоение: четкие, научно сформулированные мысли **историка-патриота** неповторимо блещут на ее страницах. Приведем для примера несколько пассажей.

«Государственные ошибки являлись потому, что в составе правящих и управляющих людей было много иноземцев, инородцев и иноверцев, для которых русское государство было простою служебною, кормовою статьею вольнонаемного труда. Русское чувство государственности, каким отличались люди XV–XVII вв., в высокой степени поднятое Петром Преобразователем[4*], совсем не просыпалось в сердцах инородцев и иноверцев,

---

[4] *Формозов А.А.* Очерк жизни и творчества // *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Т. 2. М., 2001. С. 722.

[5] *Тарабрин И.М.* Работы И.Е. Забелина по истории Москвы // *Забелин И.Е.* История города Москвы: Неизданные труды. М., 2003. С. 20.

[3*] Замечателен, на наш взгляд, обширнейший очерк А.А. Формозова о И.Е. Забелине, пожалуй, правомернее его назвать книгой, помещенной во втором томе «Домашнего быта русских цариц» (см. примечание «*» – стр. ...). В Историческом музее проходят ежегодные Забелинские чтения. Но, увы, наша школа практически лишена трудов этого выдающегося ученого. XIX Забелинские чтения прошли 8–11 декабря 2008 г., в рамках которых была проведена презентация книг ученого, возвращаемых из Исторической библиотеки в библиотеку ГИМ. Поминальная церемония на могиле И.Е. Забелина на Ваганьковском кладбище в Москве прошла 9 декабря минувшего года.

[6] *Щепкин В.Н.* Памяти Ивана Егоровича Забелина. М., 1911. С. 19.

[4*] Нужно понимать, что это лишь заметки. Здесь нет и не может быть полного анализа эпохи. Не говоря о заморском окружении Петра, много раздумий вызывает «загадочная» фигура его воспитателя Никиты Зотова.

да и не могло в них существовать. Они исполняли долг службы, но не долг национального чувства. Их деяния сопровождались полнейшим равнодушием к интересам чужой для них страны. Этот чуждый русскому государству состав правящих людей давал, однако, тон и направление всей службе и для русских людей. Громадное влияние идей космополитических, т.е. в сущности, эгоистических, ибо для кого родина – весь свет, тот думает только о себе. Где все там ничего»[7].

Как просто и ярко сказано. Так и хочется призвать нашу молодежь: учите историю русскую по Ивану Егоровичу, запоминайте его мысли наизусть! Да, многое хотелось бы спросить у него, русского родолюба, но невольно чувствуешь, что нас разделяет время, а не мысль. А какой блестящий пассаж о Государе Иоанне Васильевиче! Процитируем:

«Разговоры в царстве мертвых. (Старая литературная форма....). Иван Грозный и Костомаров-историк и все историки, судящие Грозного, а он, защищаясь рассуждает, что все они заводчики крови. <...> Но ведь вы же мне помогали разливать кровь. Вы же друг друга поедали и меня наводили на грех кровопролития. Чего ужасаетесь? Вспомни ты, историк-подзуда, каков был Новгород Великий? Какую он кровь проливал от начала до конца своей жизни, погублял свою братию неистово, внезапно. <....> Кто управлял событиями и заводил кровь между князьями? Все это мне пришло в голову в 1570 г., я и наказал город по-новгородски же... Ничего нового я не сочинил... Только в одно время, в шесть недель повторено то, что происходило шесть веков. А казнил за измену, за то, что хотели уйти из единства в *рознь*. Я ковал единение...

Ты историк-подзуда войди в мое положение. Ведь вы же мне сказывали, что в Новгороде копится измена. Что же мне оставалось? <...> Я казнил врагов и супостатов и вся та кровь взыщется на заводчиках той крови...

Историки: подзуда Костомаров, рассуда Соловьев, Благуда Карамзин.

Теперь мне видно отсюда и все то, что делали во Франции в 90-х гг. XVIII в. Лили разливали кровь получше чем я, а все во имя добра и блага всенародного.

Иван Грозный – воспитанник Библии. Оттого стал свирепым, жестоким губителем во имя Бога, как он верил и был в том убежден. Жидовская вера та же – неумолимо жестокая в отношении с врагами и чужими (см. «Новое время» 6095). Манифест раввинов. Опричность жидов проводилась Саваофом, отдельность, замкнутость их. И вот Библия являет опричнину Грозному, хотя для нее был свой повод, но оправдание – в Библии»[8].

Труды свои завещал И.Е. Забелин народу русскому. Последняя воля его гласила: «Наследниками своими я почитаю только свою родную дочь Марию Ивановну Забелину и Императорский Российский Исторический музей имени Александра III, поэтому в случае кончины моей дочери все наследство без всякого исключения да перейдет в собственность сего Исторического музея... Никаким другим наследникам, могущим когда-либо появиться, я не оставляю ни порошинки». Весьма крупную сумму – 130 000 руб. – Забелин выделил научным учреждениям. Историческому музею было отказано 70 000 руб. на приобретение новых коллекций и 30 000 – на издание задуманных Забелиным книг. Он писал, что возвращает музею свое жалование за все годы службы; 30 000 руб. передавалось Академии наук на переводы и издание античных и средневековых авторов, писавших о России... Историческому музею были завещаны библиотека (около 20 000 томов), коллекции рукописей, икон, карт (с 1549 до 1908 г.), эстампов, иконных прорисей (XVII — начала XIX в.).

Иван Егорович Забелин скончался 31 декабря 1908 г. (ст. ст.). Был похоронен на Ваганьковском кладбище, памятник оплатила казна. Дочери Забелина, Марии Ивановне, была назначена пенсия три тысячи рублей, которая была сохранена и при советской власти. В 1909 г. Мария Ивановна передала музею библиотеку и архив отца, в 1915 г. – материалы, относящиеся ко второй части «Истории города Москвы», присовокупив просьбу отца об издании. В 1938 г. большая часть библиотеки Забелина была передана в Историческую библиотеку. Москва ценила своего патриота и певца истории русской. В 1910 г. была учреждена премия Забелина за лучшее исследование по истории Москвы, открыта городская библиотека имени Забелина. Его имя было присвоено Кремлевскому проезду, отделявшему Исторический музей от Кремля. В 1931 г. проезду вернули прежнее название. В 1961 г. Боль-

[7] *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. С. 168.

[8] *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. С. 173–174.

шой Ивановский переулок, неподалеку от которого находится Государственная историческая библиотека, хранящая в фондах личное собрание книг Ивана Егоровича, стал улицей Забелина.

Ивана Егоровича часто называют бытописателем русской старины – это, безусловно, так. Но должно подчеркнуть, что весьма важно было для историка представить город как «совокупность людского общежития». В своей истории Москвы, в Предисловии он выделяет важнейшую, в связи со сказанным, методологическую задачу. «Это город-люди с их знаниями, нравами, обычаями, мыслями, чувствами, с устройством и уставом их городского быта и управления во всех его видах и потребностях. <...> Впереди других здесь должна стоять история городского правительства и управления или история городской власти, земской, посадской и государевой. <...> Историю города сооружали люди, поэтому о них больше, чем о столбах и разных постройках, должен говорить историк»[9].

А здесь-то как раз уместно вспомнить об А.С. Пушкине, о его методологических принципах художника-историка. Они коротко сформулированы в его отзыве о драме М.П. Погодина «Марфа Посадница».

И вот что писал наш гениальный, а не официальный, поэт-историк: «Драматический поэт, беспристрастный, как судьба, должен был изобразить столь же искренно... отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманный удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но *люди минувших дней, их умы, их предрассудки*. Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине»[10].

Исполнил ли эти высокие требования, граничащие с гениальностью, Иван Егорович Забелин? Те, кто знаком с его трудами, безусловно, ответят: да! Предлагаем еще раз убедиться в этом – предлагаем отрывок из книги «Как жили в старину русские цари государи».

«В самый праздник Рождества Христова государь слушал заутреню в Столовой или в Золотой Палате. Во 2-м часу дня (в 10-м часу утра), в то время как начинали благовест к литургии, он делал выход в Столовую, где и ожидал пришествия патриарха с духовенством. Для этого Столовая наряжалась большим нарядом, коврами и сукнами. В переднем углу ставилось место государево, а подле него кресло для патриарха. Вошед в Столовую, государь садился до времени в свое место и приказывал сесть по лавкам боярам и думным людям; ближние люди младших разрядов обыкновенно стояли. Патриарх при пении праздничных стихер, в предшествии соборных ключарей, несших крест на мисе и св. воду и в сопровождении митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов, приходил к государю в ту же палату славить Христа и здравствовать государю с праздником. Государь встречал это шествие в сенях. После обычных молитв певчие пели государю многолетие, а патриарх говорил поздравление. Потом и государь и патриарх садились на свои места. Посидев немного и затем благословив государя, патриарх со властьми шел таким же порядком славить Христа к царице, в ея Золотую Палату, и потом ко всем членам царскаго семейства, если они не собирались все для принятия патриарха у царицы. Славление у государя происходило обыкновенно в Золотой Палате, а иногда и в Грановитой.

<...> Отпустя Патриарха, государь в Золотой или в Столовой облекался в царский наряд, в котором и шествовал в собор к обедне. Все дворовые и служилые чины, сопровождавшие этот выход, были также богато одеты в золоченые кафтаны. После литургии государь шествовал во Дворец, где потом в Столовой или в Золотой приготовлялся праздничный стол «на патриарха, властей и бояр». Этим оканчивалось рождественское празднество.

В день Рождества Христова и в другие большие праздники, цари не садились за стол без того, чтоб не накормить прежде так называемых тюремных сидельцев и пленных»[11].

Таковым было благочестие Царства Московского – средостение Святой Руси...

© Масленникова Н.В.

[9] *Забелин И.Е.* История города Москвы. М. 2007. С. 5–12.

[10] *Пушкин А.С.* ПСС: В 10 т. М., 1962–1966. Т. 7. С. 218.

[11] *Забелин И.Е.* Как жили в старину русские цари-государи. М., 1991. С. 17–18.

ПЕРВОЕ ВОДВОРЕНИЕ В МОСКВЕ ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ И ОБЩЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКИ*

... Восьмидесятые годы XVII в. были достославными годами зарождения и водворения в Москве самостоятельной русской учености, за которой, хотя очень постепенно, но не преминула последовать и общая образованность.

Нам хорошо известно, что старая, древняя наша *книжная наука,* собственно грамотность, даже в высшем, как бы ученом ее значении, в значении обширной начитанности, по случаю необходимого для печати исправления собственных своих же книг, оказалась со всех сторон и в полной мере несостоятельной для такого дела. Это именно дело и не замедлило обнаружить всю глубину и необозримую широту тогдашнего русского невежества и его кровных чад: суеверия, легковерия, суемудрия и самомнения, от которых мы не совсем успели освободиться и до сих пор.

Крайняя потребность в науке, выразившаяся на первое время потребностью собственно типографского, для приготовления знающих *справщиков,* ученых корректоров, стала очевидною для всех. Начались попытки завести школу для этой цели. При Патриархе Филарете была учреждена греко-латинская школа в Чудове монастыре под руководством грека Арсения, но учитель через несколько лет на одинокой и потому утлой своей ладье потонул в глубине всеобщего невежества и при Патриархе Иосифе был сослан в Соловецкий монастырь. Говорили про него, что он волхв, еретик, звездочетец, исполнен скверны и смрада иезуитских ересей. С такими характеристиками встречались тогда все знающие и ученые люди. При Патриархе Никоне он был возвращен и определен по-прежнему смотрителем и справщиком книг в Типографии и занимался у Патриарха переводами с греческого. В это время окольничий Ф.М. Ртищев устроил в Андреевском монастыре греческую школу и ученое братство переводчиков с греческого, призвавши ученых иноков из Киева, из которых более других известен как переводчик и справщик типографии Епифаний Славенецкий. Никоново время особенно славится собиранием древних русских и греческих рукописных книг с теми же исключительными целями точного исправления для печати всего обихода церковных книг.

Чем сильнее и явственнее обозначались и распространялись стремления к научному знанию, тем ожесточеннее восставало против этих стремлений круговое слепое невежество старых церковников и начетчиков. Однако среди тогдашних людей все, что могло в то время называться интеллигенцией, умной силой общества, от тех самых криков темной фанатической толпы все более убеждалось, приходило все более к сознанию, что так оставаться невозможно, что необходимо устроить книжное знание на прямых и твердых в точном смысле *ученых* основаниях.

В самый разгар борьбы этого сознания с мнениями защитников старого невежества прибыл в Москву митрополит Газский Паисий Лигарид (1660 г.). Узнав, в чем дело и желая объяснить причины смятения и шатания московских умов, он решил, что все зло произошло от двух причин: от того, что нет народных училищ и нет библиотек. «Если бы меня спросили, – говорил он, – какие столпы Церкви и государства? Я бы отвечал: во-первых, училища, во-вторых, училища и, в-третьих, училища, причем необходимо преподавать в этих училищах греческий, латинский и славянский языки».

Внимательнее других прислушался к этим словам сам Царь Алексей Михайлович. Он решил завести науку у себя во дворце и вызвал для этой цели известного иеромонаха Симеона Полоцкого, которого назначил учителем своих детей, Царевичей Алексея, а потом и Феодора. Это было в 1664 г. А на другой год, летом 1665 г., по указу Царя в Спасском монастыре, за Иконным рядом, были построены деревянные хоромы, в которых повелено *учитца по латиням,* грамматике, грамматичному учению, подьячим Приказа Тайных дел Семену Медведеву и дворцовым Семену да Илье Казанцам.

Вскоре (1666 г.) приехавшие в Москву Александрийский и Антиохийский Патриархи точно так же

* «Первое водворение в Москве греко-латинской и общей европейской науки: Речь, читанная в заседании Императорского Общества Истории и Древностей Российских 19 апреля 1886 г. в память двухсотлетней годовщины рождения первого русского историка В.Н. Татищева Председателем Общества И.Е. Забелиным». Печатается по речи И.Е. Забелина, опубликованной в Москве в 1887 г.

убеждали Царя завести греческие (но не латинские) и славянские училища, указывая особенно на важность изучения греческого языка.

В то время как представитель латинской школы Симеон Полоцкий мало-помалу совсем водворялся в царском дворце, заняв даже положение придворного стихотворца, на Патриаршем дворе вовсе не было заметно, что там желают учредить правильную греческую школу. По-видимому, там довольствовались упомянутым ученым братством справщиков и переводчиков.

Между тем в обществе не угасала мысль о заведении школ, и прихожане одной церкви (Иоанна Богослова, вероятно, в Китай-городе, называемой по урочищу — под Вязом) подали даже особую челобитную, прося в приходе учредить училище славяно-греческой грамматики и чтобы священник был ученый человек и пение в церкви чтоб было партесное.

В 1668 г. на эту просьбу была выдана разрешительная патриаршая грамота, но о дальнейшей судьбе этого дела не имеем сведений. Прошло десять лет, о которых также ничего не знаем, что происходило на Патриаршем дворе с мыслями о заведении школы.

В 1679 г. случайно или не случайно прибыл в Москву некий русский иеромонах именем *Тимофей,* долгое время проживавший в Палестине, на Афоне, узнавший там основательно греческий язык и бедственное положение всей Греческой Церкви, теснимой и магометанством, и латинством. Его повесть об этом внимательно выслушал молодой Царь Феодор Алексеевич и тут же решил учредить в Москве греческое училище на пользу и греков, и русских, которое и было помещено в 1680 г. в верхних палатах Типографии в составе набранных из разных сословий 30 учеников.

По-видимому, это было только начало, приступ к исполнению более широкого замысла, которому, несомненно, много способствовали и упомянутый Тимофей, и придворный ученый и стихотворец иеромонах Симеон Полоцкий со своим учеником Сильвестром Медведевым.

Возникла мысль об учреждении в Москве академии т.е. о школе *свободных мудростей*. По царскому повелению составлен был план и написана в проекте так называемая *привилегия,* или учредительная грамота, о заведении такой школы-академии, которая и была обозначена в 1682 г. Составители грамоты, как оказывается из ее содержания, руководствовались уставами западных университетов и академий и начертали план с обширным курсом учения и с большими преимуществами для ученого сословия.

Между тем о намерении учредить в Москве академию проведали польские ученые и явились с предложениями устраивать это новое дело, конечно, под руководством иезуитов, алкавших забрать все дело в свои руки. Их отвергли, но иезуитские намерения продолжали свою работу, и, как увидим, не без успеха. В Москве издревле опасались латинского Запада как огня, и Царь с Патриархом решили в 1681 г. вызвать ученых из греков по благословению Восточных Патриархов, о чем в тот год послали к ним особую грамоту. По согласию четырех Патриархов были избраны два брата, Софроний и Иоанникий Лихуды, которые после долгого странствования через Польские земли, преследуемые и теснимые иезуитами, тайным от них уходом прибыли наконец в Москву 6 марта 1685 г. Заметим, что латинствующие в лице известного Сильвестра Медведева еще в январе этого же года подносили Царевне Софии на утверждение упомянутую академическую привилегию-устав, но, кажется, без успеха, так как Патриарх Иоаким вообще не благоволил к латинству.

Прибывших Лихудов поселили сначала в Николаевском греческом, потом в Чудове, но в обоих монастырях помещение найдено ими неудобным, быть может, потому, что не было там достаточного простора для школы, которую Лихуды, не желая, по-видимому, терять дорогое время, открыли вскоре по приезде. Для этой цели тогда же были построены для них особые деревянные кельи в Богоявленском монастыре. Рассказывают, что сначала им отданы в науку из типографских учеников лучших пять человек.

Такая школа могла устроиться и в кельях, но, видно, охотников учиться у новых учителей явилось больше, и не из числа только типографских учеников, но даже из боярских детей, поэтому в том же году 3 сентября сам Патриарх Иоаким приходил в Богоявленский монастырь осмотреть место, где лучше выстроить особые хоромы для школы; по его благословению эти хоромы были срублены в ту же осень и 12 декабря к новоселью в них принесен из патриаршей казны образ Владимирской Богородицы.

В одно время с постройкой хором мало-помалу накапливался в учительских кельях и ученический состав новой школы. 26 декабря в этом составе

вся школа приходила на Патриарший двор и в Крестовой палате славила Христа и приветствовала Патриарха поздравительными речами и от учителей, и от учеников, причем в записке об этом случае учители, грекоиеромонахи Иоанникий и Софроний, обозначены учителями *греческих высоких наук* и что они учат в школе греко-латинскому *книжному писанию,* – так отмечалось преподавание начального класса, обнимавшее предварительные предметы учения. Патриарх выдал праздничную славленую награду: учителям — по пять руб., двум ученикам — по два руб., девятерым — по рублю, семнадцати человекам — по полтине. Всех учеников числилось уже 28.

В тот же день приходила к Патриарху славить Христа и типографская школа с учителями иеромонахом Тимофеем и греком Мануилом Григорьевым, причем учители получили: Тимофей – пять руб., Мануил – два руб.; ученики: один – один руб., девять – по полтине, 46 – по 25 коп. Всех типографских учеников явилось 56, ровно вдвое против Богоявленской школы.

Торжественное открытие Богоявленской деревянной школы как основы будущей Академии произошло 29 января 1686 г. В этот день Патриарх со архиереи прибыл в новопостроенную школу и слушал учения учеников, в числе которых находились его домовый иеромонах Иларион, два иеродиакона, шесть человек лучших и 23 человека остальных, всего – 82 человека. Потом со архиереи же Патриарх ходил в типографскую школу, где учились один иеродиакон, греческому писанию 9 лучших, 11 средних, 27 меньших, 19 еще меньших, всего – 66 человек; словенскому писанию учились 166 человек, а всего 282 человека. Таков, вероятно, был полный состав этих обоих школ в 1686 г.

Один из первых учеников Богоявленской деревянной школы — Федор Поликарпов рассказывает, что каменные палаты для Академии были основаны Патриархом Иоакимом в 1685 г., т.е. в год приезда в Москву Лихудов, на оставленную на это строение по завещанию тем же Лихудам от доместика, учителя греческого пения, грека иеродиакона Мелетия, сумму 2000 р. и что палаты были выстроены *совершенно* в 1686 г., когда в них и переселилась Богоявленская школа – учители с учениками. Однако достоверно известно, что это случилось годом позже, в 1687 г., даже в конце года, т.к. в сентябре 9-го числа эти палаты еще достраивались, для чего тогда выдано Богоявленскому архимандриту Никифору 100 руб., и только 12 октября Патриарх ходил в новопостроенные палаты, вероятно уже совсем готовые, для осмотра. Может быть, палаты действительно были заложены в 1685 г., а еще вероятнее, что в том году материал для постройки был только заготовлен. Сама же постройка произведена в течение следующих двух лет, и в ожидании ее окончания в 1685 г. была построена деревянная академическая школа.

В январе 1687 г., тоже 29-го числа, быть может в воспоминание первого открытия, Богоявленская деревянная школа снова видела в своих стенах Святейшего Патриарха, пришедшего на этот раз с белыми властями. Теперь в школе преподавали уже грамматику, и Патриарх слушал *греческого грамматическаго учения* и после слушания пожаловал учителям Софронию и Иоанникию не по 5 руб., а по 5 золотых, да ученикам, детям боярина князь Юрья Михайловича Одоевскаго, князь Михайлу, да князь Юрью, да князь Петру; да кравчего князь Бориса Алексеевича Голицына сыну князь Алексею да дьяка Василья Посникова сыну Петру – по золотому каждому.

Золотая награда показывала золотые успехи школьного учения. И действительно, Петр Посников впоследствии опередил учением даже Федора Поликарпова.

В каменные Спасские палаты Академия была переведена, по всему вероятию, к зиме 1687 г., когда на Рождество, 28 декабря, Академия уже из этих Спасских палат приходила к Патриарху в Крестовую славить в следующем составе учеников: два иеромонаха, два иеродиакона, книгописец, бельцов 1-й статьи — пять, в том числе два грека, 2-й статьи — девять чел., 3-й статьи — 35 чел., 4-й статьи — 27, итого – 76; словенского книжного учения 1-й статьи – семь чел., 2-й статьи – 16 чел., итого – 27; а всего – 104. Каменные школьные палаты, как упомянуто, были построены в три этажа, вероятно, с прямой целью распределить и само учение на три особых отдела.

В 1688 г. на Святой? в пятницу 20 апреля, школа также приходила к Патриарху в Крестовую под руководством одного учителя Софрония и для праздника Воскресения ученики по-прежнему говорили Патриарху поздравительные речи. Состав школы в это время был распределен следующим образом: иеромонах один, книгописец, два иеродиакона, ученики *верхних* школ 1-й статьи – два, 2-й ст. – семь, 3-й ст. – 11 человек, *средних* школ грамматичников — 19 чел., *нижней* школы греческого книжного

писания малых учеников — 20 чел.; словенского книжного писания староста да 100 учеников; всего – 164. Таким образом, верхние школьные палаты были определены для преподавания высших наук, а нижние – первонаук.

В 1689 г. в школе преподавалось уже риторическое учение. 27 декабря школьники по обычаю опять приходили в патриаршую Крестовую и пред Святейшим Патриархом и освященным собором Христа славили пением греческого согласия и говорили по-гречески и по-словенски о Христове воплощении от Божественных писаний многие речи и орацыи Святейшему Патриарху с поздравлением. Состав учеников был следующий: монах, иеромонах, иеродиакон$ учеников бельцов — два чел., орацейщиков – семь чел., грамматичников – 26 чел., да которые начали учить греческий язык – 16 чел.; словенского учения староста и 127 учеников.

В марте 1690 г. в верхних школах Софроний начал уже читать логику и диалектику. Грамматику и пиитику Лихуды преподавали на одном греческом языке, а риторику, логику и потом физику (естественную философию) на греческом и латинском. Федор Поликарпов свидетельствует, что успехи учения были блистательны, так что в три года они, верхние ученики, могли говорить на обоих языках и перевели несколько книг на славянский язык.

Хотя преподавались оба классических языка, однако средоточием и главной силой был язык греческий, а с ним и все образование носило господствующий характер греческий, отчего и сами школы обыкновенно именовались *греческими, еллино-славянскими*. В Москве, таким образом, была открыта самостоятельная Академическая школа исключительно греческого, строго православного направления, совсем отличная от Киевской академии, в которой господствовал в такой же мере язык латинский, необходимо способствовавший внесению в православные установления различных униатских мнений.

Должно заметить, что Московская школа была основана в то самое время, когда уже разгоралась борьба между латинствующим направлением и греческим, или православным, конечно, не за классицизм или преимущества того или другого языка, а прямо за успевшие проникнуть в православную Москву униатские мнения, даже при помощи основанной Царем Алексеем латинской школы Симеона Полоцкого.

Прежде мы заметили, что латинствующие свили было себе теплое гнездо в самом Дворце и, по-видимому, стремились занять главное место и в новоучрежденной Академии, но именно Лихуды со своим грецизмом стали поперек дороги этим стремлениям и к тому же открыли горячую обличительную полемику с представителями латинства. Классические языки, таким образом, становились знамением, один – Латинства, католичества, другой – Православия. В этом обстоятельстве заключается и объяснение, почему Восточные Патриархи еще при самом начале учреждения Московских школ настоятельно требовали, чтобы в этих школах учили только по-гречески, отнюдь не по-латыни. Патриархи очень справедливо опасались, что с латинским языком неизбежно будут усваиваться и папежские католические, хотя бы и под видом униатских, мнения, понятия, идеи, т.к. вся академическая ученость в то время в своих целях, в сущности, ограничивалась только вероучением, а латинский язык был священным языком и католического вероучения, и собственно церковной службы. Лихуды, не отстраняя латинского языка, как языка науки, водворяли в Москве греческую школу на основаниях истинной учености без особого уклонения в сторону лишь одних вероисповедных целей, как это могло бы случиться с одним греческим языком. Но самостоятельному московскому делу Лихудов не суждено было прочно установиться для дальнейшего развития.

Свой курс Лихуды прекратили в 1694 г. вследствие их удаления от школы по наветам Иерусалимского Патриарха Досифея, действовавшего так, может быть, и по интригам латинства, конечно очень скрытым и замаскированным. В этот год Лихуды только что начали читать физику по Аристотелю. На их место преподавателями поступили их ученики Николай Семенов Головин и Федор Поликарпов, которые преподавали до 1699 г. грамматику, пиитику и риторику на греческом языке. Латинский язык по требованию Иерусалимского Патриарха был изгнан из Академии. Патриарх и Лихудов, между прочим, обвинял именно за введение в Академии латинского языка.

Так водворялась уже фанатическая нетерпимость, вскоре, однако ,совсем упраздненная, т.к. в это самое время взяла свою силу Петровская реформа, упразднившая все опасности вероисповедной борьбы введением общего образования и общей светской учености, причем и самостоятельная Московская греческая академия передана была с 1700 г. в руки киевских ученых, не замедливших водворить в Москве по преимуществу латинскую

Киевскую школу, в которой греческий язык точно также совсем был исключен из преподавания, да почти и все ученики были также привезены из Малороссии. В 1704 г. из 34 учеников философии было только трое великороссов, а прочие имели фамилии белорусские и польские.

Такова была судьба самостоятельного московского дела в учреждении самостоятельной учености, независимой от подозрительного и опасного латинства. С переменой языка, однако, нисколько не переменялось существо этой учености, схоластической в своем характере и исключительно церковной в своем содержании. Следует только заметить, что Академия Лихудов с обоими языками и с преобладанием греческого была поставлена правильнее и в дальнейшем развитии принесла бы не менее той пользы, какую принесла переселенная в Москву киевская, исключительно латинская ученость, получившая к тому же привилегированное положение и замкнувшая эту ученость в монашеский круг, не допуская к преподаванию бельцов. По этому поводу обыкновенно слышим тенденциозные упреки Москве, что если бы не киевская ученость, привлеченная в Москву к общему делу и занявшая с того времени, с 1700 г., почти все иерархические места в государстве, то Москва совсем потерялась бы от своего повального невежества, т.к. по своему нерадивому невежеству не могла и не умела доставлять иерархии требуемых ученых и образованных подвижников для церковного заведования и управления.

При таком взгляде на дело, мы, однако, совсем забываем, что именно с 1700 г. и вообще со времени Петровских преобразований Москва вся отдалась светской науке и поставила целые полки подвижников по всем отраслям государственного устройства и управления. Об этом мы сейчас будем говорить. Но прежде скажем заключительное слово о водворенной церковной учености.

Как видели, учреждением лихудовской Академии впервые устроилась в Москве русская ученость, русская школа высоких греческих, а потом и латинских наук и учение свободных мудростей. Один из столпов Церкви и государства был воздвигнут в размере, какой был определен его основными целями и в той твердости и крепости, которые вполне уже зависели от избранных учителей, в первое время на самом деле показавших, что они были в истинном смысле люди науки, блестящим образом оправдавшие свое избрание. Так впервые на Руси, как свидетельствовали современники, была водворена наука – полный курс учености и образования.

Можем ли мы сказать, что водворенная таким образом наука была наука в собственном смысле, в том обширном смысле, какой существует в наших теперешних понятиях. Способна ли была эта наука покоить на своих основах не одну Церковь, но и государство? Мы видели, что учреждение Спасской академии было увенчанием множества предшествовавших попыток к правильному устройству важнейшего церковного дела, исправления для печати церковных книг. Приготовить ученых *справщиков* для Книгопечатного двора, ученых переводчиков с греческого, способных в точности исправить вкравшиеся в течение веков в церковные тексты описки и ошибки, и, наконец, в вершине всего – ученых защитников Православия, способных бороться с распространявшимся влиянием католичества и протестантства, – вот в чем заключалась основная цель тогдашней нашей науки и всей учености.

Учрежденная Академическая школа по заимствованным с Запада образцам водворяла ту же самую специальную ученость в надлежащей системе и полноте. Академия представляла широкий путь образования собственно только для духовенства ,и особенно для высших духовных лиц. Так этот академический тип учения был поставлен и на латинском Западе. Он воспитывал и распространял образованность в собственном смысле церковную. «От Церкви благословенныя и благочестивыя науки да будут – так писано в академической привилегии Царя Феодора Алексеевича. – А от Церкви возбраняемых наук, наипаче же магии естественной и иных, таким не учити и учителей таковых не имети, аще же таковые учители где обрящутся, и оны со учениками, яко чародеи, без всякаго милосердия да сожгутся».

Вот идея, ставшая между основаниями водворенной науки.

Основной задачей водворяемой науки было *познание веры,* правильное, т.е. православное, понимание и толкование Священного Писания и отцов Церкви. Из этой задачи вытекала другая – распространение веры, просвещение вероучением христианской паствы, а вместе с тем сохранение Православия и защита его от суемудрия ересей, от темного суеверия невежественной толпы. Все свободные мудрости были направлены исключительно только к этим задачам и в строгой постепенности мало-помалу воспитывали, приготовляли

ученых представителей вероучения (современным языком – теоцентричной картины мира. – *В.Ш.*), проповедников, риторов, диалектиков, умеющих читать, переводить, объяснять и доказывать истину святого учения и святых книг.

Руководящая мысль этой учености выразилась, между прочим, в учении о риторике Софрония Лихуды, который, определив, что риторика есть наука или искусство, научающее говорить хорошо, правильно и красиво, в одном из своих наставлений замечает: «Если бы захотел я говорить об изяществе и силе Божественного Писания, то никогда не кончил бы своей беседы. Для меня удивительно, почему некоторые, оставив эту высокую и полезнейшую мудрость, обращаются к тленным произведениям человеческой мудрости». И далее, начиная после логики чтение естественной философии, Иоанникий Лихуд говорит между прочим: «После того, как мы с трудом и ощупью прошли глубокие пещеры логики, теперь при помощи Св. Духа переходим к естественной философии и постараемся преподать ее согласно с учением Аристотеля. Впрочем, будем остерегаться от всякого мудрования, несогласного с нашей религией и Православием и взимающегося (восстающего, поднимающегося) на разум Божий, как говорит апостол».

Ясное дело, что для этой науки не предстояло возможности отворить двери к свободному и всестороннему изучению и обсуждению всех остальных предметов и отделов человеческого знания. Она была поставлена, так сказать, в священной ограде вероучения и высилась пред остальным миром непогрешимой святыней Божественного Писания, авторитетом истины, которую требовалось только посредством определенных благочестивых наук правильно уразумевать, изучать, объяснять, толковать, дабы с успехом ее защищать от лжи мирского суемудрия и самомнения.

Таким образом, *свободные мудрости* – грамматика, риторика, пиитика, логика, диалектика, философия, теология, нисколько не распространяли пределов знания в сторону так называемых *внешних мудростей,* как обозначались мирские, светские науки, потребные для житейского, мирского, т.е. государственного, обихода, для которого и сами *свободные мудрости* должны были принять мирское же – светское — направление – уже не церковное, но простое литературное.

Водворенная, установленная академическая наука не только не распространяла пределов знания, но своими слишком неопределенными, неясными указаниями на светские науки, вроде естественной магии и иных таких же, вообще на тленные произведения человеческой *внешней* мудрости, уже прямо способствовала тесной замкнутости своего знания в одном кругу церковности.

При господстве и всеобъемлющем влиянии такой научной идеи очень трудно было проложить пути к той необходимой свободе в устройстве светского образования и светской учености, какая требовалась уже неотложно не то что для укрепления, но для спасения государства. Очень трудно и совсем невозможно было выйти на этот путь прямой дорогой, прямым учреждением такой же, но по мирскому плану Академии согласно потребностям и интересам гражданственности, всеобщим интересам государства. О таком решении в умах того времени не могло возникнуть и помышления по той особенно причине, что не были еще ясно поняты и осознаны сами эти государственные потребности и интересы.

Самое примечательное и великое по последствиям событие в нашей истории есть то обстоятельство, что государственная необходимость, крайняя нужда в науке была почувствована, понята и, осознана во всей полноте не в государственном каком-либо коллегиуме, вроде боярской Думы, не в заседаниях каких-либо дьячих особых комиссий, но в среде простых детских потех, забав и игр маленького, а потом и взрослого Петра-преобразователя. Это как-то странно выходит, но в действительности все это так случилось и так устроилось.

В то самое время и в те самые годы, когда на Патриаршем дворе, в Кремле, усердно размышляли о том, как лучше устроить в Москве надобную науку в укрепление и прославление Церкви; когда на Никольской улице одна за другой, в Типографии, в Богоявленском и Спасском монастырях, учреждались школы, сооружались для них здания, – в эти самые годы в том же Кремле, а после, главным образом, в Преображенском дворце на Яузе, возле Немецкой слободы, незаметно и мало-помалу нарождались помыслы, возникали и усложнялись потребности и крайние нужды в устройстве другой науки на *укрепление и прославление государства* во всех его политических и хозяйственных, или экономических, стремлениях и интересах.

Очень любопытна и примечательна даже некоторая параллель, соответствие в постепенном развитии, с одной стороны, серьезного и благочестивого

дела, каково было заведение учебных и ученых греческих и латинских школ и, наконец, Академии, с другой – потешного дела детских игр, приведших к такому же серьезному делу, каково было новое устройство всего государственного организма, закончившееся точно также учреждением Академии Наук в 1724 г.

В 1680 г. на Книгопечатном дворе славным Тимофеем учреждена греческая школа, послужившая первой и главной основой для будущей Академии. С того же года, после обычных игрушек, все более и полнее стали развиваться детские, исключительно только воинские игры маленького еще, восьмилетнего, Петра, действовавшего в качестве полковника со своими сверстниками-робятками, составлявшими в зародыше кадетский корпус, военную школу. В 1682 г. эта зародыш-школа сооружает себе в Кремлевском дворце для дальнейших упражнений особую *потешную площадку,* на которой ставится деревянный *потешный шатер,* и потешная изба представляет обставленный тогда же пушками, рогатками и прочими военными принадлежностями воинский стан.

В том же году на дворцовых *верхних* прудах, устроенных на здании Запасного двора, спускаются потешные суда — *карбус, ошняк* и лодки. В это первое время происходило изучение, так сказать, воинской азбуки – учение первому началу военных игр.

В 1683 г., когда уже другой год наш посол в Константинополе хлопотал у Восточных Патриархов о вызове в Москву для устройства Академии ученых людей, учебные потехи Петра достигли уже военного похода на Воробьевы горы, где впервые произведена из пушек огнестрельная стрельба.

В 1684 г. Петр поселяется уже в Преображенском и строит на Яузе маленькую крепость, осаждает ее с огнестрельной стрельбой и берет приступом.

В 1685 г. весной, когда прибыли в Москву Лихуды, Петр предпринимает поход в село Коломенское, где неутомимо стреляет, и стреляет в цель.

1686 год, как мы говорили, был ознаменован торжественным открытием в Богоявленском монастыре, в деревянных хоромах, учрежденной Лихудами первой Академической школы. И на Яузе этот год ознаменован новой постройкой уже настоящего *Стольного города Прешпура,* который с того времени становится резиденцией и средоточием всех преобразовательных Петровских потех и военных учений. Тогда впервые здесь были спущены на воду потешные, но не детские, но заправские суда — *шняк и струг* с лодками.

1687 год на Никольской улице ознаменован переселением Академии из деревянных первоначальных хором Богоявленских в Заиконоспасские каменные палаты, а на Яузе последовал первый набор солдат – *потешных конюхов,* т.е., в сущности, первых артиллеристов, отчего на стороне противников преобразовательным целям Петра, как они говорили, *учало быть опасение,* следовательно, потеха становилась уже делом очень нешуточным. Эти потешные конюхи с лошадьми и пушками были тогда же поселены на том берегу Яузы, частью возле Преображенского, частью у села Семеновского, где, таким образом, устроилось основание для будущих гвардейских полков Преображенского и Семеновского.

В то время, когда в Академии преподавание постепенно восходило уже до риторики и пиитики, и в Преображенском с 1688 г. предпринято было уже очень ученое дело – постройка кораблей, производившееся и в следующие два года, а потом в 1691 г. перенесенное на Переяславское озеро с устройством там целой флотилии.

Курс науки в Академии, начавшийся в 1686 г., был доведен в 1694 г. до философии, когда Лихуды были удалены. Точно так же и курс Петровской потешной науки, начавшейся серьезным образом с постройкой стольного города в 1686 г., доведен был до военной философии, до настоящих военных маневров, произведенных в 1694 г. под селением Кожуховом.

В этом обозрении параллелей учения мы упоминали только дела Петровских потех, их практическое выполнение. Но каждое такое дело, самое малое, как и большое, всегда сопровождалось теоретической подготовкой. Для исполнения каждого дела требовалось знать, как оно может и должно сделаться, и вот сама собой является необходимость поучиться то арифметике, то геометрии, то артиллерии, то фортификации и по преимуществу всякой математике, которая в Петровской науке и заняла первое господствующее место.

Как и следовало государственным целям и потребностям, Петрово учение началось с военного дела, с учения *хитрости ратнаго строя пехотных людей, ч*то соответствовало книжному словесному учению грамоте в Академии. После того следовала грамматика, т.е. стрельба в цель ружьями и пуш-

ками; затем – пиитика и риторика – сооружение и осада крепостей, для чего кроме артиллерийского учения вскоре понадобился и флот; тут же в маневрах на самом деле изучалась боевая логика и диалектика.

В Академии — слова и фразы, здесь – цифры и выкладки наполняли и просветляли память и умы учеников; там — по всем правилам науки усердно составляли приветственные речи – орацыи и стихотворения – и искушались в написании убедительных поучений, отличались на ученых диспутах, доказывая, разъясняя примерную истину по всем правилам логики и диалектики; здесь – по всем правилам математической наука сооружали земляные городки, окопы и с веселыми криками штурмовали их. Повторим здесь сказанное нами по тому же поводу в другом случае: никто не ведал, да по новости и небывалости дела и не мог взять себе в толк, что все эти потехи и потешные городки и конюхи не что иное, как самая простая, но очень разумно поставленная школа военной науки, разумно поставленная в том отношении, что она до всего, до последних мелочей, добиралась собственным опытом и умом, самоучкою, добывала военное знание не столько учением по книгам, сколько исполнением всякого дела собственными руками, на самом месте, в виду всех выгодных и невыгодных окружающих обстоятельств. Это была школа исключительно практическая, возникшая сама собой, нарожденная от детской игры и распространенная только непрестанным стремлением царственного ребенка и отрока идти дальше, не останавливаться на полдороги, но изведывать всякое и маловажное обстоятельство, всякое и маловажное дело до его конца, так сказать, до его подкладки. Вот по какой причине великий преобразователь во все время своей жизни непрестанно учился и всегда сам собственными руками мастерил всякое, даже последнее ремесло, был и плотником, и кузнецом, и токарем, и барабанщиком, и бомбардиром, и матросом-корабельщиком. Вот по какой причине он совсем позабыл о своем царском сане и всякого знающего и рабочего человека почитал своим товарищем и другом, а оттого, сам хорошо зная всякую работу, умел отлично выбирать для работы людей и к ремеслу, и к управлению государством. Честь именоваться Государем-Кесарем он предоставил начальному человеку Преображенских потех князю Ромодановскому, которому писал как простой подчиненный донесения и рапорты, и однажды, написавши не в порядке имя названного государя, очень извинялся перед ним, оправдываясь, что «корабельщики, наша братья, в чинах не искусны»[12].

Потешная, но в сущности великая воспитательная и образовательная Петровская школа завершила свой курс наук известным Кожуховским походом. Потешная осада тамошнего городка была исполнена не только вполне научно, но даже с ожесточением настоящего военного боя. Затем, по окончании курса, на другой же год следовали уже известные *азовские* походы против турок. «Шутили под Кожуховом, а теперь под Азов играть идем!» – говорил не без радости, отправляясь в поход, достославный Кожуховский *бомбардир Петр Алексеев*.

И вот такими-то шутками и играми Петра, незаметным ни для кого способом настежь, широко растворились двери к полной свободе знания, к свободной науке во всех ее разновидностях и во всей полноте, какой можно было достигать тогдашними еще очень неустроенными средствами.

Разрешение очень трудной для того времени задачи дать место свободе знания и учения всяким наукам, при всеобъемлющем влиянии церковности, было достигнуто не посредством сочиненного в кабинете или в Думе, на общем соборе, устава и указа, не посредством учреждения академии или университета с определенным курсом и подробной программой, а простым повседневным самоучением, простым повседневным деланием дела, которое само собой вызывало потребность в той иди другой науке, т.е. в знании, как делается это дело. Началось с малого, с детской игрушки и игры, которой все-таки надо было выучиться; и вот малое учение постепенно переходит к большому; различные потребные знания цепляются одно за другое и создают новые крайние нужды в новых сведениях и науках. И остановиться в этой деловой последовательности приобретаемых знаний было уже невозможно, потому что игра также постепенно и совсем незаметно становилась заправским, а к тому же и прямым государственным делом.

Дельность, деловитость этого самоучения легла потом твердой основой для всей государственной деятельности Петра, не исключая и церковных

[12] Преображенское или Преображенск – московская столица достославных преобразований первого Императора Петра Великого (см.: Соч. И. Забелина. М., 1883. С. 45).

вопросов и порядков, где дельностью требований он совсем озадачивал не подготовленные к делу словесные умы. Она же – эта дельность – послужила основой в развитии собственного характера русской науки и русской учености, который с немалой ясностью выразился в трудах нашего первого историка Татищева. Русская характерная черта в разработке своей истории заключается в том, что в этой разработке отсутствует элемент риторства, и в словах, и в мыслях, а это прямо показывает, что такой характер нашего научного дела идет не из славяно-греко-латинской Академии, не от учения так называемой «словесности» (главным образом церковной словесности, обозначаем этим словом весь состав водворенной у нас греко-латинской науки в образе Академии Московской и ученейшей тогдашней Академии Киевской, устроенных по образцам многовековой и уже ветхой западной риторской школы) – нет, наше научное дело по своему существенному характеру прямо происходит из школы Петровского самоучения, или, точнее сказать, из школы, ставившей впереди всего не слово, как бы оно ни было красиво и цветисто, а самое дело во всей его простоте и наготе, хотя бы и не красивой, но только истинной.

Можем заметить, что это, пожалуй, существенная общая черта нашего народного ума, так как древнейшие наши историки – первые летописцы отличаются в своих сказаниях необычайной в писательстве прямотой, правдой и деловитостью.

Тем значительнее является перед нами Петровская научная школа, успевшая окончательно вывести нас из Вавилонского плена всяческой риторики, заполонившей было и нашу летопись вставочными риторскими сказаниями и представившей назидательный образец риторской обработки самой истории в известной Степенной книге, а после в небольшом учебнике под именем Гизелевского Синопсиса (1674 г.). В этом случае Петр, стало быть, ничего особенного и чрезвычайного не совершил. Он, как полнейший выразитель русского ума, все дело нового русского знания и образования повернул на народную русскую дорогу, оставив в стороне водворенную схоластику и все соображения и рассуждения о том, какие науки благословенны и не благословенны, благочестивы и не благочестивы.

Все науки стали благословенны, т.е. благословенной стала вообще наука, открывшая русскому уму свои необозримые сокровища в литературе ученых и образованных народов Запада, откуда с того времени и наполнялись разнородными иноязычными книгами русские библиотеки, собираемые по преимуществу для домашнего самообразования и самоучения, как собирал их для своих преобразовательных дел сам Петр. Научное направление, какое создалось само собой самоучением Петра, отличалось именно тем качеством, на котором зиждется сама наука. Это была *критика,* разбор, оценка всего обветшавшего и ошибочного в мыслях и в делах того века, беспощадная критика всего существа старой жизни, вследствие чего это направление с особой горячностью преследовало всякую басню, суеверие, легковерие, суесвятство и, в сущности, их источник – самомнение папствующей непогрешимости, способствующей утверждению всяких суеверий. Очевидно, что по времени такое направление являлось как бы протестантством и вскоре на самом деле было заподозрено в склонности к этому вероучению. В то время научные направления иначе и не объяснялись, как уклонениями к тому или другому существующему вероучению. Никому еще не была понятна та истина, что здесь возрождалось только естественное распределение познаний, руководимых с одной стороны верой, а с другой – наукой, и что в Петровском направлении господствующей, руководящей идеей являлась наука, а в направлении греко-латинских академий святым руководителем оставалась вера.

Все то, что было достигнуто постепенным развитием направления, созданного самоучением Петра, в полной мере отразилось и выразилось в ученых и литературных трудах Татищева, в его понимании всего окружающего, и современного, и минувшего.

Не вышедши ни из какой учрежденной Академии, Татищев в ученых своих трудах является вполне ученым изыскателем в не меньшем достоинстве, чем, например, после него был ученый немец Миллер. Древнейший доисторический период Русской истории он обработал с таким вниманием, какого не встречаем ни у одного из последующих историков, и обработал в полном смысле по ученой программе, очень пригодной для повторения и в настоящее время, разумеется, с новой разработкой накопившегося материала. Приступая к изложению истории, он отказался от мысли *сочинять* истории, т.е. сводить свидетельства *из разных лет к одному делу,* как он выразился.

Отсутствие риторских начал в его образовании и руководящая Петровская идея дельности и строгой

критики заставили его сосредоточить свою работу на простом летописном своде с должными объяснениями и примечаниями, помещенными отдельно от текста. Он позволил себе только переложить древний текст на новое наречие, имея в виду большую общедоступность своего труда. Летописный свод, о котором в последствии столько заботился великий критик текстов Шлецер, недовольный трудом Татищева за его неученость, все-таки служил прямым ответом на первые требования науки и в этом отношении был очень полезен самому Шлецеру.

Первым подвигом научного дела истории должен был явиться именно такой сводный сборник древнего текста, и несправедливо требовать, чтобы Татищев делал то самое, что должен был делать после него и при помощи его Шлецер, т.е. сводить и издавать текст тем способом, какой употреблялся при издании древних латинских и греческих писателей и который в приложении к Русским Временникам по их особому характеру во многом оказывался даже очень неудобным.

Науке прежде всего требовалось хорошо ознакомиться с составом текстов этих Временников, что и исполнено трудом Татищева. Обсуждая и объясняя эти тексты, Татищев предварял Шлецера в ученых требованиях для правильной разработки истории, указывая на необходимость описания монастырских библиотек, описания даже архивов, описания вещественных памятников, собирания географических, этнографических, археологических сведений и вообще ставя так широко программу исторической работы, что после и самый ученейший Шлецер не особенно много к ней прибавил.

Ясное дело, что все требования и нужды такой работы были с точностью обозначены еще в Петровское время и Татищев своими указаниями представляет только свод этих запросов, возникавших в разное время по поводу различных случаев в практической деятельности самого Петра и его рабочих-товарищей. Этим самым выясняется, что самоучение Петра и началось, и стояло все время на правильном научном пути, предварявшем своими запросами и задачами систематическое устройство знания под видом Академии Наук.

Историк, больше чем ученый других отделов знания, всегда бывает изобразителем, хотя бы не полным, а иногда и односторонним, но верным изобразителем *умоначертания* своего времени; поэтому в трудах Татищева мы знакомимся в лучшем образце и с общим направлением идей Петровского времени, и с суммой познаний, вошедших в оборот общественной мысли, с самим качеством этих познаний, со всеми запросами и задачами развивающейся умственной и нравственной, как равно и экономической, жизни. Он был, подобно своему учителю, Петру, простой усерднейший *рабочий* в деле преобразования всего государственного русского строя; но помощью господствовавшей практики самоучения сделался ученым историком, как другие тем же путем делались администраторами, дипломатами, адмиралами, полководцами, статистиками и т.п.

Никто из этих деятелей, как и сам Петр, не владел учеными формами при исполнении своих дел и трудов писательских, но каждый из них вполне всегда владел *самостоятельною мыслию;* не усвоенным раболепно из чужих книг и речей, но самостоятельным пониманием своей задачи, претворявшим чужие мысли и мнения о такой задаче, так сказать, в собственную плоть и кровь мышления. Вот чем особенно отличаются исторические и все другие писательские труды Татищева, (а также труды всех радетельных соработников национального духа, творцов народной жизни и культуры. – *В.Ш.*), где самостоятельная, независимая мысль составляет существо исторической работы... ясно изображая тем самым водворенное Петром научное направление, которое да послужит нам образцом и руководителем во всех наших работах на всех путях ученой деятельности.

© Забелин И.Е.
© Шмидт В.В., подготовка текста к публикации